

References

1. Bulgakov M. The Master and Margaret. – M.: Literature, 1988. – 384 p.
2. Furmanova V.P. Intercultural communication and linguistic regional geography in the theory and practice of teaching foreign languages, ed. Mordovia University, – 1993.
3. Ivanchenko A.I. French proverbs and their Russian prototypes. – SPb.: KARO, 2004. – 128 p.
4. Lewis R.D. Business culture in the international business. From collision to mutual understanding: translation from English. – M.: Delo, 1999 – 440 p.
5. Mazirka I.O. The translation as cultural dialogue: the problem of background knowledge. – M., 2003 – P. 127–133.
6. Moiseeva S.A., Ogneva E.A. The literary text as an object of cross-cultural adaptation: monograph, 2nd ed. corr. and ext. - M.: "IRIS GROUP", 2010. – 202 p.
7. Nikonov V.M. Socio- and linguo-cultural adaptation problems of connotative language text units // Problems of cultural text adaptation. Abstracts of the international scientific conference. - Voronezh: Center "Russian Literature" – 1999 – P. 78–79.
8. Rolland R. Cola Bryunon / Trans. from French by M. Lozinski. – L.: Literature, 1986. – 390 p.
9. Schweitzer A.D. Theory of Translation, M. – 1988, – P. 8.
10. Timko N.V. Sending text cultural specificity in translation: the limits of possible and permissible. – M. – 2003, – P. 64–68.
11. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Linguistic regional geography of teaching Russian as a foreign language, 3rd edition. – M.: 1999. – 264 p.

УДК 81'33

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В ОЦЕНОЧНОМ ВОСПРИЯТИИ

Харченко Вера Константиновна
зав.кафедрой филологии, доктор филологических наук, профессор, Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
wera_kharchenko@mail.ru

Адрес сайта: Сайт: www.kharchenkovk.ru

Аннотация

Рассматривается такой аспект прикладной филологии, как подборка высказываний, отражающих красоту и уникальность того или иного иностранного языка, что должно положительно сказаться на мотивации изучения этого языка. В данном случае речь идет об оценочном восприятии немецкого языка, что отражено в контекстах художественной и мемуарной, эпистолярной литературы (А. Цветаева, М. Шагинян), а также в высказываниях из разговорного дискурса (спонтанные реплики, тексты интервью). Жанрово-хрестоматийный характер первичной выборки обогащен авторскими комментариями. Содержание представленных контекстов и высказываний касается таких вопросов, как отражаемая в языке динамика менталитета нации (Г. Померанц), цели и оптимальные методики изучения иностранного языка (В. Розанов, У. Черчилль), эстетический потенциал фонетики немецкого языка (Д. Рубина), своеобразие коннотации немецкого слова как проблема переводоведения (О.А. Седакова) и др. Подчеркивается необходимость извлечения, систематизации и сбережения подобных материалов с ориентацией на полидискурсивный характер их поиска.

Ключевые слова: немецкий язык, менталитет, мотивация изучения, «язык методики», полидискурсивность: художественный, мемуарный, эпистолярный, публицистический дискурсы.

EVALUATIVE PERCEPTION OF GERMAN LANGUAGE

Kharchenko Vera Konstantinovna

Head of the Department of the Russian Language and Teaching Methods Doctor of
Philology, Professor

Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia

vera_kharchenko@mfil.ru; www.kharchenkovk.ru

Abstract

The article deals with such an aspect of applied linguistics, as collection of utterances reflecting beauty and uniqueness of a foreign language to motivate and inspire individuals to study this language. In this regard, evaluative perception of German language is revealed on the basis of fictional, epistolary and memoir contexts (A. Tsvetayeva, M. Shaginyan) as well as colloquial discourse utterances (spontaneous speech, interviews). The author's commentary on the initially selected utterances is provided. The contexts and utterances relate to the following issues: reflected in language mentality of the nation in its dynamics (G. Pomerants), aims and optimum methods of learning a foreign language (V. Rozanov, W. Churchill), phonetics of German language and its aesthetic potential (D. Rubina), specifics of German words' connotation with respect to the problem of translation (O.A. Sedokova) etc. The author stresses the importance and necessity of extracting, systematizing and maintaining a collection of such materials taking into account the multi-discourse character of the search.

Key-words: German language, mentality, motivation to learn, the language of methodology, multi-discourse: fictional, memoir, epistolary, publicist discourse.

Введение

Изучение иностранного языка не может не сопровождаться поиском средств усиления мотивации такого изучения, тем более на ранних этапах, когда основные трудности ещё не преодолены и опора на хорошо изученное только начинается складываться и помогать наращивать владение языком. Как справедливо утверждал композитор Муцио Клементи, *Facile inventis addere* (К сделанному легко добавляется). В этом плане в прикладной филологии, полагаем, может быть выделено особое направление по поиску, систематизации и комментированию контекстов из художественной, мемуарной, эпистолярной, научно-популярной литературы, которые бы несли в себе развернутое оценочное восприятие того или иного иностранного языка. В этот же выделяемый блок целесообразно включать и некоторые высказывания из разговорного дискурса, как спонтанные, так и почерпнутые из жанра интервью. Например: [Тверь. Свободная дискуссия на защите. Профессор вспоминает коллегу:] *Софья Кузьминична Кукушкина говорила: «Читайте большие текстов, читайте! Тогда вы выправите всё, включая фонетику!»* (12.11.2012). Данный пример, как и некоторые нижеследующие, доказывает, что сказанное по отношению к одному иностранному языку, может положительно сработать на мотивацию изучения и другого языка. Приведем также выразительный отрывок из интервью доктора филологических наук и доктора биологических наук Т.В. Черниговской, вписывающийся в научно-популярный дискурс и объясняющий, насколько это трудная задача – изучать иностранный язык. *Есть неприятная вещь, о которой Гедель ещё писал: никакая система не может изучать другую*

систему сложнее себя самой. Мозг сложнее тех, в ком он, скажем так, «поселился». «Как маленький ребёнок умудряется за короткое время овладеть самым сложным, что вообще на земле есть, – человеческим языком?» [13: 26]

Основная часть

Целью данной статьи является подборка материалов, работающих на усиление мотивации изучения иностранного языка. Эта цель реализовывалась методом контекстуального анализа фрагментов текстов единой тематической (лингвометодической!) направленности. Такими материалами для систематизации и комментария стали контексты из различных произведений с ориентацией при этом на принцип полидискурсивности.

Суть концепции выделения в многообразных задачах прикладной филологии еще одного направления заключалась в том, что при выстраивании мотивации изучения иностранного языка «голые» советы типа: *Это пригодится в жизни! Без немецкого языка ты не сможешь продолжить обучение в Германии, не сможешь повысить за рубежом свою квалификацию!* – безусловно, нужны, но нужны и более яркие, расцвеченные нетривиальным словом сентенции, которыми может одарить художественный текст, разумеется, если мы их оттуда извлечем и «распропагандируем». Художественное произведение – это всегда множественность оптики, это удвоенные, утроенные смыслы за будто бы внешне простыми сюжетными действиями и всегда (или не всегда?) узнаваемыми образами. Например, по двум извлеченным контекстам из романов М. Алданова (1) и А.И. Солженицына (2) можно прочертить связь лексического богатства немецкого языка с ментальными установками немецкой, во многом уникальной культуры.

(1) *Меня забавляет немецкая обстоятельность, – сказал Черняков. – В заведении, где полощут горло, есть Rachenorgeln, Kehlkopforgeln, Rachenmasengurgeln, Kehlkopfnasegurgeln и еще с полдюжины разных гургельнов. – Не понимаю, что тут может забавлять, – возразил Юрий Павлович. – От каждой болезни своё полоскание, что же тут забавного? Да эта обстоятельность и составляет силу Германии, являясь одним из серьезнейших факторов её необычайных успехов во всех областях. Благодаря ей, хотя, разумеется, не только благодаря ей, Германия стала самым могущественным и самым благоустроенным государством в мире. В Германии нет места крайностям, утопиям. А мы, чем подражать этому, смеемся над этим. И профессора, как ты, тоже смеются. Это, я прямо скажу, нехорошо, Миша [1: 155].* (2) *Невыносимо было русскому взгляду смотреть, как они [немцы – В.Х.] разгружают машины с кирпичом: медленно, бережно, будто он из хрусталя, передают с рук на руки каждый кирпичик до укладки в штабель [9: 60].*

Немаловажно учитывать историческую динамику менталитета, в том числе немецкого, о чем пишут публицисты и что необходимо знать для более объемного восприятия изучаемого языка в его единстве с культурой нации.

Для большинства немцев Просвещение пришло извне, вторглось в Германию вместе с армиями Наполеона и его кодексом, противоречащим германскому праву; оно силой расчищало авгиевы конюшни немецкого феодализма. И в результате возник особый немецкий романтизм, со своеобразным почвенным привкусом. Слово «почвенничество» изобретено в Оссии, но впервые именно в Германии возникло острое чувство беспочвенности, разрушения национальных основ, и поиски собственной традиции выступили в романтизме на первое место, оттеснив Восток, экзотику, романтическую даль. <...> Наконец, сухой рассудочности Запада противопоставляется эмоциональное богатство Незапада: немецкая задушевность, русская широта, японское «чувство чая» или то, что «негр думает, танцуя» [6: 180-181].

Поскольку речь идет о том, как средствами различных дискурсов повышать мотивацию изучения немецкого языка, то нелишне накапливать и примеры такой мотивации, то есть подключать личностно-биографическую, телеологическую, пассионарную компоненту.

Поэт и переводчик О.А. Седакова вспоминает: *Так я поняла, что что-то изменилось, когда впервые услышала стихи Рильке: его строки прочел мой учитель музыки, пианист Михаил Григорьевич Ерохин; мне тогда было лет 13-14. После вышедшей в 1971 году книги «Ворнебеге» я взялась учить немецкий – с единственной целью: прочесть настоящего Рильке. По прозе и по подстрочникам стихов я заподозрила, что стихотворные переводы что-то существенно смазывают: что Рильке должен быть радикальнее, проще и серьезнее, чем его русские версии [5: 40].*

«...Речь идёт о настроивании на волну, на поле языка. А ощущения, ассоциации, запахи, интонации – и есть проявления этой волны» «Делая очередной язык частью своего восприятия мира, мы никогда не подчиняем себе ни мира, ни языка (скорее уж сами подчиняемся и тому и другому). Мы «всего лишь» наращиваем себе ещё одну из областей (неминуемо ускользающей) жизни, ещё одну из форм интенсивности», – цитирует книгу «Магия слова: Диалог о языке и языках» О. Балла [2: 125]. [Петров, Борейко 2011].

Уникальная эстетика звукового строя немецкого языка подчас неожиданно высвечивается в контекстах художественного произведения, что также заслуживает внимания, то есть извлечения таких контекстов и их популяризации, поскольку, занимаясь совершенствованием произношения отдельных, наиболее при изучении нового языка уязвимых звуков, на общую эстетическую палитру звучания языка в целом обычно мало обращают внимания. Так, всем известна (слишком известна!) развернутая сентенция М.В. Ломоносова во славу русского языка, который вобрал в себя, среди всего прочего «крепость немецкого». Однако заслуживает внимания и современный автор Дина Рубина, которая более развернуто и рельефно

характеризует немецкий язык: *Вокруг звучал немецкий. ...Мягкий, полнозвучный, рокошущий немецкий – то остроконечный и шпильевый, то оплетающий язык серпантином, то убегающий в перспективу, то закруглённый и вьющийся, как локон, – целый рой порхающих бабочек в гортани! – великолепно оркестрированный язык...* [8: 97].

Не случайно важнейшим требованием усвоения языка является его... озвучивание. Павел Флоренский 12 ноября 1933 г. писал из концлагеря дочери Ольге: *«Хорошо, что ты начала учиться немецкому языку по-серьезному, но не забывай и французского; для этого старайся каждый день прочитывать хотя бы по страничке, и при том непременно вслух, а незнакомые слова ищи в словаре. Неплохо также читать по-французски, имея и русский перевод текста и сличая, что и как переведено, улавливая недостатки перевода. Вообще же старайся, чтобы языки, как русский, так и иностранные, были для тебя живым звуком, а не только знаками на бумаге. Поэтому и русские сочинения, если не целиком, то хотя бы понемножку, старайся читать вслух и улавливай совершенство звука, ритм построения как со стороны звуковой, так и смысловой и образной»* [11: 38].

Фонетическое своеобразие немецкого языка, акцент на этом своеобразии, более того, удовольствие от ощущения такого своеобразия методологически хорошо работают на мотивацию изучения языка, так как обеспечивают процедуру «погружения» в язык. Здесь своеобразие фонетики смыкается с фантастическим богатством лексики и фразеологии. Об этом вспоминает Анастасия Цветаева.

Немецкие слова die Öde, die Wüste, unheimlich, sonderbar, wundervoll, die Höhe, die Tiefe, der Glockenklang, Weihnachten (глушь, пустыня, таинственно-жутко, чудесно, высота, глубина, звук колокола, Рождество), и сколько ещё их было с французскими splendeur, écat, ténèbrts, naufrage, majestueux, jadis, le rêve (великолепный, блеск, мгла, кораблекрушение, торжественный, когда-то, сновидение), и все, чем наполнена первая же книга, дарили двойной смысл тому, что старшие звали... «изучением языка». На том «языке» (сколько их впереди еще было! Родители знали французский, немецкий, английский, итальянский, мать хотела возле него, как гитару возле рояля, – еще и испанский...) мы отплывали от учивших нас, как на корабле, и каждое из этих слов было – талисман. Так заколдованным словом Karmilahn (Кармильхаан), которое в гауфовской сказке (откуда я помню только пещеру и край гибели) – спасало звуком своих букв, кем-то произносимых, – горевшее, как тёмный карбункул! ... Может быть, этой органической усадой «языка» объясняется, что я не помню трудностей «изучения» языков? Это было просто вхождение в свой дом, где всё узнавалось [12: 63-64].

О «погружении» в словарь, применительно к французскому языку, вспоминает академик Р.М. Фрумкина. *Во-первых, я как-то быстро поверила в то, что языком можно довольно быстро овладеть, если научиться понимать структуру фразы, даже не зная смысла каждого слова. Отсюда вытекало, что прежде всего надо хорошо знать грамматику, точнее,*

главное в грамматике. А поскольку это главное умещалось в небольшом справочнике, то грамматика в целом выглядела как постижимая. Во-вторых, очевидно было, что с лексикой всё обстояло как раз наоборот. В этом убеждало, например, обращение к знаменитому толковому словарю французского языка Литре, с помощью которого требовалось готовить домашние задания. Ясно было, что если значение одного сравнительно «простого» слова типа французского «mettre» у Литре описано на нескольких страницах, это едва ли тот материал, который можно запомнить, – в него можно лишь вживаться. В итоге получалось, что познание языка требует терпения, умноженного на любовь к материалу (Знание – сила, 1994, № 5. С. 88).

Своеобразие немецкого языка касается, разумеется, не только грамматики и фонетики, во многом оно высвечивается в процессе перевода как своеобразие коннотаций слова, о чем читаем в оценочном восприятии профессиональных переводчиков, в частности О.А. Седаковой.

Соответственно, самой большой трудностью был словарь. В русском языке высокая смысловая тональность связана – традиционно – со славянизмами. У нас нет нейтрального языка. Достаточно посмотреть переводы Священного Писания или традиционные в русской поэзии обработки библейских тем. «И Бога глас ко мне воззвал». На русском языке это звучало бы как вызывающая смелость, едва ли не кощунство: «И голос Бога позвал меня». Но именно так должен звучать Рильке! Славянизмы и стилизованный синтаксис убивают его строй. Но обыденные русизмы его могут слишком снизить. Помянутое выше Ваит – это и наше «дерево», и наше «древо»: но нам-то придётся выбрать... [5: 41-42].

Роль фонетики в усвоении иноязычных слов особенно важна на самых первых этапах постижения иностранного языка. Подтверждение этому находим в воспоминаниях Мариетты Шагинян.

Помню и первый ее урок, когда мы в страхе попрятались за стулья, а она, деловито войдя в детскую и взяв в руки куклу, сразу начала: – Дети, киндер, што (sic.!) это такое? Это тупе, кукла. – И этим сразу ввела нас в свою систему урока. / Мы никогда с ней не сидели – мы двигались вдоль стен, заучивая вещи в их новых названиях; качались верхом на лошадаках; прыгали через веревочную прыгалку; играли в мяч, в кегли – и каждый день мир наполнялся звуками новых слов, сперва раздельных, потом начинавших связываться глаголами, обрастать качеством – эпитетами: становиться во взаимоотношения с нами – моя, твоя. <...> на всю жизнь так легко, словно играючи, утрамбовывалось в нас знание немецкого языка <...> А возраст был – четыре, пять лет. И с этих же лет ставилось горло, обучался слух – пением, музыкой. И, чтоб не забыть главное, – в прошлом именно тогда закладывалось и знание иностранного языка, по преимуществу – немецкого. Мне приходилось писать о значении ранних уроков именно немецкого языка. Фонетически он самый близкий к русскому. А русский и немецкий – это наслушанные по звуковым элементам языки для безупречного

произношения после них всех других европейских языков, особенно французского и английского... [15: 73-74].

И ещё о фонетике и о научно-популярной литературе, о последней мы ничего до сих пор не говорили. Между тем при изучении, например, латинского языка можно привести наблюдение Д. Петрова и В. Борейко о том, что древние языки сложнее современных, что интерес к языкам по существу внерационален, что есть прямая, едва ли не принудительная связь между фонетикой и физиологией (Знание – сила, 2012, № 10. С. 124-125).

Священник Павел Флоренский писал жене из концлагеря о младшей дочери Тике (Тинатин): *«Старайся завести в доме привычку (хотя бы отдельными фразами) к иностранному языку, только так можно освоить язык. Пусть это будут, наконец, отдельные слова, пусть не совсем правильно: надо разбить внутреннее сопротивление и одомашнить язык, который воспринимается не как нечто применяемое, а лишь как школьный предмет. В этом вся беда. Пусть же он будет в употреблении, хотя и неумелом» [11: 635].*

Немало контекстов, ярких по языковому оформлению, можно найти в художественном, мемуарном, эпистолярном дискурсах, когда в том или ином тексте речь заходит о целях овладения иностранным языком, что напрямую связывается и с оптимальными методиками его изучения.

Язык – оружие разведчика. Глаза – оружие разведчика. Аквариум делает всё возможное, чтобы заставить своих офицеров владеть иностранными языками. ... Иностраный язык для меня проблема – нет во мне музыкальности. Чувствительность слухового аппарата танковыми пушками понижена. Я стараюсь. Я тянусь. Но по языкам я самый худший в группе. Были хуже меня, но их уже выгнали. Я на очереди следующий. Сдохну, черт побери. Пусть произношение дубовое, я в других областях наверстаю. / – У меня та же проблема была, – ободряет Слон. – Учи целые страницы наизусть. Тогда беглость появится. Тогда у тебя для устной речи и для написания будут всегда в запасе стандартные обороты, фразы, целые куски. / Я учу страницами. Я их зубрю наизусть. А затем пишу их. Пишу и переписываю. Я переписываю эти страницы по памяти по тридцать раз, добиваясь, чтобы не было ошибок [10: 394-395].

В. Розанов в статье «Историко-литературный род Киреевских» пишет: *«Учение и образование... Состояло оно почти исключительно в превосходном изучении языков немецкого и французского как sine qua; большей частью – и английского; реже – итальянского и испанского; из древних – непременно латинского, и иногда греческого. Но эти языки не «учились», как теперь. Бог знает зачем, ибо теперь «выучившиеся» в гимназиях этим языкам никогда не читают потом, в зрелую жизнь, ни немецких, ни даже французских книг (исключения не считаются). Напротив, в то время «учить язык» значило не пачкаться в его грамматике и писать «экзаменсы», а – читать и знать литературу и науку соответствующих народов. Через это и получалось «европейское образование» <...> уже с 14 лет невинный еще отрок или девушка входили незаметно и сами собой в весь*

трепет поэзии Байрона, Шиллера, Гете, позднее Вальтера Скотта и Шатобриана <...> Это было полное претворение поэта в себя, полное претворение себя в поэта <...> Из этого обильного и роскошного чтения на трех-четырёх языках, чтения неторопливого, чтения наконец «художественного» по всем условиям, по всей обстановке, выходили... такие чудно образованные и всесторонне развитые люди, как Пушкин» [7: 147].

Поскольку в любом развлечении главное – новизна, занятнее читать не на своем родном языке. А потому иметь в своем распоряжении второй язык, даже если вам его хватает лишь на то, чтобы читать в свое удовольствие, разумно и важно. Наши педагоги очень часто стремятся научить детей такому количеству иностранных языков, что овладеть ими как следует невозможно, и в результате от них нет ни пользы, ни удовольствия. Ученик овладевает латынью ровно настолько, чтобы ее возненавидеть, греческим – лишь затем, чтобы сдать экзамен, французским – лишь в том объеме, чтобы добраться из Кале в Париж, немецким – чтобы предъявить свидетельство о сдаче экзамена, испанским или итальянским – чтобы отличить один от другого... И ни одним из этих языков не овладеет он в той мере, чтобы получить доступ к иной, неведомой литературе, открывающей столь радужные перспективы. / Не разбрасывайтесь, из многих языков выберите один. И не довольствуйтесь полужнанием, овладейте вторым языком на таком уровне, чтобы читать и получать от чтения истинное наслаждение. От чтения на втором языке умственные мышцы расслабляются, ум от притока новых идей, иного сопряжения слов и мыслей оживает. От новых языковых форм возрастает активность клеток мозга, снимается усталость, вызванная привычным, набившим оскомину словоупотреблением. Представьте себе, как был бы рад человек, который зарабатывает на жизнь игрой на трубе, если бы ему дали поиграть на скрипке, да еще в свое удовольствие. То же самое удовольствие вы испытаете, если откроете книгу, написанную не на языке вашего постоянного общения [14: 261-262].

Представленный материал напоминает вершину айсберга, семь восьмых которого скрыто под водой, если не привлечь еще более рельефные квантитативы и пропорции. В любом случае «филология на службе преподавания» вполне может быть востребована и может сказать своё «слово», причем еще убедительнее, если иностранным языком человек овладевает самостоятельно.

Результаты исследования

1. Методика преподавания иностранных языков, в частности немецкого, может опираться на контексты и высказывания, знакомство с которыми должно повысить мотивацию обучаемых к усвоению того или иного языка за счет выразительно сформулированной сентенции, детали, наблюдения. В связи с этим задачей современной прикладной филологии, (пока еще неявной, но, безусловно, актуальной!) становится сбор и систематизация соответствующих контекстов и высказываний.

2. Принципом подхода к материалу является полидискурсивный подход, то есть обнаружение оценочного восприятия иностранного языка и методики его изучения в художественном, мемуарном, эпистолярном, научно-популярном, разговорном дискурсах, за счет чего может быть частично снят синдром «безъязычия». Этот термин предложил Б. Дубин применительно к современным ситуациям широкого спектра [Дубин 1997, 1998], однако мы полагаем, что «безъязычие» свойственно и традиционной методике, коль скоро речь идет о недостаточности языка воздействия на обучаемого.

3. Теперь несколько обобщим сказанное в предыдущем пункте. Современная лингвистика, как впрочем, и другие дисциплины, увлечена требованием междисциплинарного подхода, тогда как мы, лингвисты, нередко недорабатываем в плане полидискурсивного, или междискурсивного, подхода, руководствуясь тем принципом, который Н.Н. Страхов называл «перегородочной философией». Публицистика отгорожена от художественных произведений. Тот, кто занимается художественными текстами, не спешит вникать в стихию современной спонтанной разговорной речи. Эпистолярный дискурс анализируется отдельно от всех остальных. Для фундаментальной науки именно так всё и должно быть, однако прикладная филология в этом плане может гораздо чаще обращаться к материалам принципиально различных дискурсов при выстраивании своих лингвометодических, а подчас и поведенческих моделей. Как предупреждал известный эколог Одум, разнообразие – это необходимость, а не только «приправа к жизни» (Знание – сила, 1993, № 3).

4. Тематика собранных контекстов может быть принципиально различной. Это связь языка, например немецкого, с менталитетом (при динамике менталитета, то есть с учетом исторических его изменений). Это цели изучения иностранного языка. Это приемы и методики, оставшиеся в памяти обучаемых и выразительно ими описываемые. Это удовольствие от усвоения новой фонетической системы *etc.* При всём этом пестроту контекстов и высказываний отнюдь не обязательно увязывать в логически стройную систему. Обучаемый способен самостоятельно определить наиболее суггестивный контекст и им руководствуется. Таким образом, подборка высказываний на тему «Немецкий язык в оценочном восприятии» носит жанрово-хрестоматийный характер, оставляя свободу выбора для адресатов такой подборки.

5. Немаловажное значение приобретает и личностно-биографическая компонента, когда в общий блок материала включаются признание и воспоминания людей, по каким-либо причинам выбравших для изучения, например, немецкий язык, что также усиливает мотивационные пружины, которые нередко ослабевают, особенно когда «точка не возврата» еще не достигнута.

Заключение. Перспективы исследования

Все сказанное и проиллюстрированное преимущественно оценками немецкого языка может стать моделью поиска соответствующих материалов и по другим языкам. В любом случае тексты художественного, мемуарного, публицистического характера, как показывает представленный материал, могут работать и на ученичество в широком смысле этого слова, расцветивая своим языком привычные и примелькавшиеся стандарты преподавания.

Литература

1. Алданов М. Истоки // Дружба народов, 1990, № 8.
2. Балла О. Рецензия: Д. Петров, В. Борейко. Магия слова: Диалог о языке и языках (М.: ПРОЗАиК, 2011. 208 с.). – Знание – сила, 2012, № 10. С. 124-125.
3. Дубин Б. Уроки безъязычия // Знание – сила, 1997, № 11. С. 27-31.
4. Дубин Б. Безъязычие // Знание – сила, 1998, № 1. С. 39-43.
5. Лысенкова Е.Л. Переводчики о Р.М. Рильке. – Магадан: АО «МАОБТИ», 1998. – 48 с.
6. Померанц Г. Долгая дорога истории // Знамя, 1991, № 11. – С. 177-198.
7. Розанов В.В. Историко-литературный род Киреевских // Кодры / Молдова литературная, 1991, № 4.
8. Рубина Д. Коксинель. // Джаз-банд на Карловом мосту. М.: Эксмо, 2012. – 160 с.
9. Солженицын А.И. В круге первом. – М.: Панорама, 1991. – 750 с.
10. Суворов В. Освободитель. Аквариум: Романы. – М.: ТКО «АСТ», 1994. – 584 с.
11. Флоренский П.А. Сочинения в 4 тт. Т.4. Письма с Дальнего Востока и Соловков. – М.: Мысль, 1998. – 795 с.
12. Цветаева А. Воспоминания. Изд. 2. – М.: Советский писатель, 1974. – 544 с.
13. Черниговская Т.В. «Киборги во вселенной струн – или завтрашний день?» // Наука и жизнь», 2012, № 11. С. 26-33.
14. Черчилль У. Хобби // Иностранная литература, 2007, № 8. – С.259-262.
15. Шагинян М. Человек и время. Воспоминания. Часть вторая // Новый мир, 1972, № 1. С. 71-126.

References

1. Aldanov M. Sources // Druzba narodov, 1990, № 8.
2. Balla O. Review: D. Petrov, V. Boreyko. Magic of word: Dialogue about language and languages (M.: PROZAIK, 2011. 208 c.). – Znanie – sila, 2012, № 10. P. 124-125.
3. Dubin B. Lessons of bezyazuchie // Znanie – sila, 1997, № 11. – P. 27-31.
4. Dubin B. Bezyazuchie // Znanie – sila, 1998, № 1. – P. 39-43.
5. Lusenkov E.L. Translators about R.M. Rilke. –Magadan: AO «MAOBTI», 1998. – 48 p.
6. Pomerants G. Long way of history // Znamya, 1991, № 11. – P. 177-198.
7. Rozanov V. History-literary family of Kireevsriy // Kodru / Moldova literaturmaya, 1991, № 4.
8. Rubina D. Koksinel // Jazz-band on Carlov bridge. M.: Eksmo, 2012. – 160 p.
9. Solzhenitsin A.I. In first circle. – M.: Panorama, 1991. – 750 p.
10. Suvorov V. Liberator. Aquarium: Novels. – M.: ТКО «АСТ», 1994. – 584 p.
11. Флоренский П.А. Сочинения в 4 тт. Т.4. Letters from Far East and Solovkov. – M.: Musl, 1998. – 795 p.
12. Tsvetayeva A. Memoirs. Edition 2. – M.: Sovetskyi pisatel, 1974. – 544 p.
13. Chtrnigovskaya T.V. «Kiborgi in world of strings – or tomorrow?» // Nauka i zhizn, 2012, № 11. – P. 26-33.
14. Churchill W. Hobbi // Inostrannaya literatura, 2007, № 8. – P. 259-262.
15. Shaginyan M. The man and time. Memoirs. P. 2. // Novui mir, 1972, № 1. – P. 71-126.